

народных училищ Таврической губернии С.Д. Маргаритова и инспектора народных училищ Симферопольского района Р.Г. Хасабова.

Таким образом, Симферопольское мусульманское благотворительное общество развивалось и крепло. Оно пользовалось доверием и поддержкой со стороны мусульманского населения. Заметный вклад был внесен Обществом в развитие народного образования и культуры крымских татар в начале XX века. История образования и деятельности мусульманских благотворительных обществ в Крыму, достойна глубокого научного исследования.

Источники и литература:

1. Аирчинская Р. Муфтий – заде и меценаты / Р. Аирчинская // Голос Крыма – 1997. – № 2/
2. Ганкевич В. Ю. Очерки истории крымскотатарского народного образования (реформирование этноконфессиональных учебных заведений Таврической губернии в XIX – начале XX века) / В. Ю. Ганкевич. – Симферополь : Таврия, 1998. – 163 с.
3. ГААРК. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 2360.
4. Гаспринский И. Не так ли? / И. Гаспринский // Переводчик – Терджиман. – 1888. – № 33.
5. Гаспринский И. Крымское благотворительное общество / И. Гаспринский // Переводчик – Терджиман. – 1897. – № 24.
6. Гаспринский И. Крымское мусульманское благотворительное общество / И. Гаспринский // Переводчик – Терджиман. – 1902. – № 21.
7. Гаспринский И. Открытие крымским благотворительным обществом в Симферополе мектебе – руштие / И. Гаспринский // Переводчик – Терджиман. – 1905. – № 77.
8. Королева Л. И. Род Муфтий – заде в истории и культуре Крыма (последняя треть XVIII – XX вв.) / Л. И. Королева // IX Таврические научные чтения (30 мая 2008 г., г. Симферополь) : сб. науч. статей. – Симферополь, 2009. – Ч. I. – 124 с.
9. Кулясова Г. А. Феодосия. Век XIX. Благотворительность / Г. А. Кулясова // Известия Крымского Республиканского краеведческого музея. – Симферополь, 2000. – № 15. – 96 с.

Асанова У.К.

УДК 39(477.75):001.891–057.4 1920–1930

НОВАЯ МУЗЕЙНАЯ СИСТЕМА В КРЫМСКОЙ АССР (20-Е ГОДЫ XX ВЕКА)

Период 1917–1920 гг. наиболее остро продемонстрировал недостатки сложившейся в досоветский период практики организации музейной работы в регионе. Музеи в городах Крыма и их сотрудники остались полностью без средств к существованию, для осуществления научной и экспозиционной деятельности в условиях постоянной смены властей и непрекращающегося насилия как со стороны «красных», так и «белых», объективных возможностей не было. Неизменные атрибуты Гражданской войны: голод, разруха, мародерство стали характерной особенностью выживания музеев Крыма [1, с. 288–290; 2, с. 27–28].

Окончательное установление Советской власти в Крыму открыло новый качественный этап в организации музейного дела на полуострове. Музейные учреждения подверглись реорганизации, которая была уже проведена в других губерниях РСФСР. Музеи переходили в прямое государственное подчинение, в идеологическом контексте данный процесс именовался «передачей культурных ценностей из рук эксплуататоров в руки народа» [3, с. 80.]. В действительности же эти преобразования впервые формировали сеть государственных музеев в регионе. Государственные органы также были призваны кроме административного управления, обеспечить качественное научное и методическое руководство новыми музейными учреждениями. Центральным руководящим органом этого процесса был Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения РСФСР (Музейный отдел Наркомпроса), созданный в мае 1918 г. В регионах соответствующую работу осуществляли губернские и уездные комитеты и отделы, входившие в структуру народного образования [4, с. 126–127]. Работу координирующего органа возглавила Н. И. Троцкая (Седова) (1882–1962) Л. Д. Троцкого. 22 декабря 1921 г. Музейный отдел стал подразделением Главнауки Наркомпроса РСФСР, что подчеркивало научный характер работы музеев и способствовало развитию в них исследовательской и краеведческой работы.

Непосредственно в Крыму проблема организации государственной музейной сети стала одним из направлений работы органов Советской власти в первые дни после изгнания с территории полуострова в ноябре 1920 г. войск «Русской армии» генерала П. Н. Врангеля. Уже 17 ноября 1920 г. при подотделе изобразительных искусств Отдела народного образования Крымского ревкома была создана Секция по охране памятников старины и искусства. Впоследствии она была преобразована в самостоятельное учреждение – Крымский отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИС). Именно с деятельностью КрымОХРИС в 20-е гг. XX в. связаны основные этапы развития музейного дела в Крымской АССР. Руководителем отдела был назначен молодой энтузиаст из Петрограда, в будущем – один из основателей советской первобытной археологии и антропологии Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский (1890–1943). Основной первичной задачей работы органа было не развитие музейной работы, а безотлагательная деятельность по спасению музейных коллекций, а также

памятников истории и искусства – потенциальных музейных экспонатов – от мародерства, продажи, вывоза за границу, использования населением не по назначению. Согласно материалам доклада Г. А. Бонч-Осмоловского на заседании Отдела народного образования Крымского ревкома 21 ноября 1920 г. основная задача начального этапа деятельности КрымОХРИС формулировалась как «изъятие предметов культурно-исторической ценности, брошенных на произвол судьбы или находящихся в ненадежных руках частного владельца, путем реквизиции». Были созданы шесть ОХРИСов в уездных городах Крыма: Бахчисарае, Евпатории, Керчи, Севастополе, Феодосии, Ялте. КрымОХРИС, в свою очередь, закрепил внутреннее разделение учреждения на пять подразделений: музейную, архитектурную, восточную секции, секцию охраны природы и Ученое совещание [5, с 234–235].

В конце 1921 г. произошла смена руководства КрымОХРИС. Г. А. Бонч-Осмоловский был вынужден выехать в Москву. После отчета о деятельности в Музейном отделе Главнауки Наркомпроса РСФСР, ученый вернулся в Петроград, где окончил университет и занял должность научного сотрудника Государственного Русского музея [2, с. 56–57]. Учреждение возглавил крымский искусствовед, выдающийся организатор музейного строительства и краеведческого движения Александр Иванович Полканов (1884–1971). А. И. Полканов совместил должность в КрымОХРИСе с назначением уполномоченным Музейного отдела Наркомпроса РСФСР по региону, что значительно повышало его административный статус, позволяло организовывать работу по развитию музейной сети в непосредственной связи с центральными координирующими органами Наркомпроса РСФСР [6, с. 44].

Учитывая факт совмещения заведующим КрымОХРИСа функций представителя Музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР интересно проследить основные этапы взаимоотношений руководящего органа с подчиненной ему организацией. Как программный в этом отношении, демонстрирующий планы и пути реализации задач, определенных руководящим государственным органом, может рассматриваться «Протокол № 7 заседания Совета Главмузея от 6 октября 1921 г.» [7]. В рамках мероприятия, проходившего под председательством заведующей Главмузеем Наркомпроса РСФСР Н. И. Троцкой, был заслушан доклад заведующего Отделом искусств Наркомата просвещения Крымской АССР, искусствоведа и одного из организаторов музейной работы в Крыму Якова Александровича Тугендхольда (1882–1928) «О музейной работе и охране памятников искусства и старины в Крыму». Решение Совета Главмузея Наркомпроса РСФСР от 6 октября 1921 г. по докладу носило многоплановый характер. Как явствует из текста документа, оно затрагивало вопросы организации в Крыму постоянной археологической станции, для работы которой предлагалось воспользоваться опытом ГАИМК – единого методологического центра всех археологических исследований в РСФСР на тот период. Также руководящий орган Главмузея считал необходимым предложить КрымОХРИСу провести съезд представителей учреждения в течение февраля 1922 г., а также разработать декрет, препятствовавший проведению самовольных раскопок. Кроме того, руководство Главмузея Наркомпроса РСФСР считало необходимым вменить в обязанность своему региональному подразделению организацию совместных действий с представителями Наркомата внешней торговли РСФСР по недопущению вывоза «предметов музейного назначения» за границу. Озабочился Совет Главмузея и проблемами материального обеспечения работы по воссозданию музеев Крыма. Отдельным пунктом постановляющей части протокола от 6 октября 1921 г. значится «усиление средств» на охрану памятников и выделение таковых на «фотографирование, зарисовки и ремонты», то есть на мероприятия по музеефикации [8]. В целом, следует отметить стратегический характер постановляющей части протокола. Чиновники Главмузея Наркомпроса РСФСР комплексно подошли к оценке ситуации в музейной сфере Крыма, определили ее ключевые проблемы, связанные в 1921 г. не столько с непосредственным функционированием музеев, сколько со спасением памятников – будущих экспонатов музейных коллекций – от разграбления или вывоза за пределы РСФСР. Вместе с тем, стремление изыскать средства на организацию музеефикации памятников свидетельствует о переходе и к непосредственно музейной работе.

Сохранившиеся в деле тезисы доклада Я. А. Тугендхольда на заседании Совета Главмузея Наркомпроса РСФСР 6 октября 1921 г. [9], помогают расширить границы задач по развитию музейного дела, которые предлагалось решить руководящему органу в ближайшее время. В тезисах отмечалось «огромное мировое научно-художественное значение Крыма как сокровищницы прошлого» и делался акцент на том, что «Главмузею необходимо обратить на него совершенно особое, гораздо большее, нежели до сих пор, внимание в смысле охраны памятников старины, искусства и природы». Данная дефиниция Я. А. Тугендхольда лишней раз подчеркивает важность мероприятий Советской власти по охране памятников и организации музейного дела в Крыму в первой половине 20-х гг. XX в., т. к. она фиксирует однозначный государственный патронат данного процесса. В тезисах доклада Я. А. Тугендхольда содержалось также предложение об организации в рамках КрымОХРИСа специального товарообменного фонда, который позволял бы сотрудникам отдела получать в сельской местности Крыма памятники историко-бытового, этнографического профиля [10]. Материалы заседания Совета Главмузея Наркомпроса РСФСР от 6 октября 1921 г. демонстрируют масштабность и объемность задач, которые были сформулированы высшим органом, являются своеобразным итогом первого года административной работы КрымОХРИСа, фиксируют необходимость скорейшего решения комплексных задач.

Непосредственную организаторскую работу КрымОХРИС по воссозданию музейной сети в Крыму можно проследить благодаря переписке, отчетной документации самого контролирующего учреждения и крымских музеев. Данные документы позволяют оценить их состояние в первой половине 20-х гг. XX в. Важными для понимания материально-технического и имущественного положения крымских музеев являются их анкеты, представлявшиеся КрымОХРИСом в Главнауку Наркомпроса РСФСР. Так, в августе 1922 г. были представлены анкеты Симферопольского естественно-исторического музея и Центрального

музея Тавриды (ЦМТ), сохранившиеся в ГАРФ. Документ первого учреждения [11] подчеркивал статус музея как отдела Центрального музея Тавриды и констатировал подчинение КрымОХРИСу. Также указывался год основания (1900 г.) и отсутствие отдельного помещения. Источником бюджета музея были обозначены «случайные единовременные поступления из Главмузея и других источников». Ответственным лицом музея назывался заведующий ЦМТ. Количество экспонатов учреждения исчислялось цифрой более чем в 200.000 предметов, из которых в выставочном отделе были представлены только 12.677. Отмечалось, что остальные экспонаты музея хранятся «в специальных закрытых шкапах и представляют основные научные коллекции или научные материалы». В анкете приводилось разделение музея на 7 отделов: энтомологический, зоологический, геологический, почвенный, садоводственный и пчеловодственный, указывалась численность экспонатов каждого подразделения. Отмечалось также, что музеем производилась культурно-просветительная и научная работа, однако, ее содержание раскрыто не было. Посещаемость музея была определена цифрой свыше 2.000 человек в месяц. Анкета была подписана хранителем музея А. С. Дойчем. Аналогичный документ был также представлен в Главнауку ЦМТ [12]. Его составил заведующий учреждением Николай Львович Эрнст (1889–1956). В анкете отмечалось временное отсутствие помещения у ЦМТ ввиду утраты прежнего помещения, в связи с чем, имущество Музея было сложено в подвалах Симферопольского естественно-исторического музея. Было зафиксировано существование археологического отдела с 1878 г., чем подчеркивалась преемственность археологической коллекции ЦМТ от Музея древностей ТУАК. Общее количество экспонатов определялось в 11.900 предметов, сосредоточенных в археологическом, художественном и этнографическом отделах. В отношении вспомогательных подразделений было зафиксировано наличие библиотеки, музейного фонда и архива раскопок. Посещаемость музея также была определена в среднем в 2000 человек в месяц. В числе сотрудников Естественно-исторического музея в Симферополе были названы четыре человека, в ЦМТ – шесть.

Анкета, заполненная сотрудниками КрымОХРИСа, по материалам ЦМТ в сентябре 1923 г. [13] содержала техническую информацию. Это было связано, прежде всего, с предоставлением музею нового помещения в бывшем здании Офицерского собрания 51-го Пехотного Литовского полка (ул. Долгоруковская, д. 35, ныне – помещение Симферопольского художественного музея). В связи с этим основным содержанием анкеты была оценка состояния помещений и их пригодности. В пунктах анкеты были представлены все технические данные здания, вплоть до состояния электричества (не работало) и водопровода (работал частично), наличия противопожарных приспособлений и охранной сигнализации (отсутствовали). Очевидно, акцент на состояние помещения ЦМТ при составлении анкеты для Главнауки делался с расчетом на выделение средств для проведения реконструкции здания.

Особенности сосредоточения культурной жизни в регионе вокруг нескольких городских центров обусловило концентрацию музейных учреждений в досоветский период в уездных городах Крыма. Разнообразие форм организации музейного дела на местах можно проследить по соответствующей отчетной документации, сохранившейся в результате осмотров и обследований музеев городов Крыма в 1922–1923 гг.

Наиболее документально обеспечены в этом контексте музеи Ялты и Севастополя. В течение 1922–1923 гг. были произведены необходимые мероприятия по выяснению состояния этих учреждений. Так, осенью 1922 – в начале 1923 гг. руководители музеев заполнили и отправили анкеты, разработанные Главнаукой. Так, 15 сентября 1922 г. заведующий Ялтинским ОХРИСом А. Г. Корнев сообщал следующую информацию о Ялтинском художественном музее в контролирующий орган в Москву. Данное учреждение располагалось в отдельном специальном здании, было основано в 1920 г. Музей имел статус учреждения самостоятельного характера, подчиненного ялтинской структуре КрымОХРИСа, имел художественную специализацию. Масштабы учреждения становились очевидными при перечислении количества экспонатов, сосредоточенных в каждом из отделов музея. Согласно перечню, в музее были в наличии 30 скульптур, семьсот картин, 300 гравюр и репродукций, 1.000 предметов из фарфора, фаянса и стекла, 20 ковров, 250 образцов мебели, 100 предметов – из бронзы и прочих материалов. Общее количество экспонатов А. Г. Корнев определял в 2.900 штук [14]. Также в анкете А. Г. Корнев указал, что в музее нет таких вспомогательных подразделений как библиотека, архив, музейный фонд, а основная работа музея сводится к регистрации и учету «художественно-исторических предметов» и устройству выставок и экскурсий. Уровень средней посещаемости заведения его руководитель определял в цифру 30 человек в день. Очевидно, материалы анкеты побудили чиновников Главнауки Наркомпроса РСФСР к проведению непосредственной выездной проверке учреждения. 20 августа 1923 г. такой осмотр был произведен инспектором Главнауки Наркомпроса РСФСР. Состояние музея анализировалось по нескольким параметрам, зафиксированным в акте осмотра [15]. В соответствии с этими пунктами выяснялось следующее: музей именовался Научным музеем Ялты, занимал тоже помещение (специально оговаривалось, что данное помещение – бывшая дача дворянской семьи Борятинских), содержалось в надлежащем порядке, не требовало «большого ремонта». Количество экспонатов ограничивалось 3.000 предметов, при этом указывалось на наличие определенного запаса, используемого для обновления экспозиции. Отделы музея распределялись по следующим направлениям: отдел фарфора, отдел мрамора, произведений Востока, картинная галерея и т. д., т. е. был избран смешанный принцип формирования экспозиции как по характеру материалов, так и по их происхождению и видам. Специально отмечалось, что экспонаты подобраны систематически, «в организацию музея внесено много знаний и любви... учреждение производит очень благоприятное впечатление». Отдельно отмечалось, что музей снабжался сотрудниками

ОХРИСа, которые при доставлении экспонатов протоколировали процесс учета музейных ценностей в хронологическом порядке. Также в музее происходил процесс инвентаризации экспонатов, который на момент составления акта затронул более 1000 предметов, соответствующим образом описанных и промаркированных. В штате учреждения состояло три человека – заведующий А. Г. Корнев, его помощник – А. В. Костромин и сотрудница В. М. Костромина. В резюме акта отмечалось, что музей «хорошо организован, умело руководится и, несомненно, приносит большую просветительскую пользу» [15, л. 19 об.]. В целом, данные двух документов демонстрируют непосредственный процесс развития работы отдельно взятого учреждения, позволяют проследить динамику его работы в краткие сроки, выявить очевидный прогресс, ставший возможным как благодаря постоянному вниманию контролирующих органов Москвы, участию КрымОХРИСа, так и, в первую очередь, благодаря подвижнической деятельности его сотрудников.

16 января 1923 г., отвечая на запрос Главнауки Наркомпроса РСФСР, заведующий Ялтинским ОХРИСом А. Г. Корнев сообщал сведения о состоянии Ливадийского дворцового комплекса. Подчеркивался самостоятельный характер музея, его региональный статус как музея Ялтинского округа. Временем основания музея называлось его принятие на учет органами ОХРИСа летом 1922 г., а финансирование обеспечивалось только «местными средствами КрымОХРИСа». Ответственным лицом назывался С. К. Онищук, который занимал должность заведующего дворцами. Кроме руководителя учреждения в штате также значились шесть сторожей, другие единицы были свободны ввиду отсутствия средств на их содержание. Особо подчеркивался характер музейного комплекса – «исторический памятник». Экспонаты данного музея находились в естественном положении: в анкете было отмечено, что первоначальная обстановка находилась в комнатах дворца, а таковых было в большом дворце 58, а в малом – 26. Показательной была цифра посещения данного памятника истории и архитектуры – называлась цифра 400–500 человек в месяц [16]. Акт осмотра 1923 г. отмечал, что «оба дворца как с внешней стороны, так и внутри содержатся в полном порядке». Особое внимание было уделено инвентарной обеспеченности музейного комплекса: отмечалась сохранность первичных интерьеров, обеспеченность каждой комнаты дворцов инвентарной книгой с фотографическим приложением в ней. В акте обращалось внимание, что большой (новый) дворец в ходе смены властей в годы Гражданской войны подвергался изъятиям ценностей, главным образом – «ценных вещей» (очевидно, под этой формулировкой необходимо понимать предметы, содержащие драгоценные металлы, либо непосредственно памятники искусства) и картин. В дворцовом комплексе был налажен четкий механизм доступа посетителей: музей был открыт по вторникам, четвергам, субботам и воскресеньям с 15 до 18 часов вечера. Штаты комплекса насчитывали 8 человек, шестеро из которых были сторожами, а также выполняли уборку помещения. Заведующим дворцами был Н. Тихий, хранителем – С. К. Онищук. В общем, выводе отмечалось, что «дворцы содержатся в полном порядке» [17].

Осмотру в 1923 г. также был подвергнут Естественно-исторический музей в Ялте. Он, согласно акту осмотра, был преемником Музея Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба, основанного в 1893 г. В 1919 г. учреждение было переведено в помещение бывшей Ялтинской гимназии, где заняло целый этаж, что позволяло охарактеризовать его как «вполне достаточное и очень удобное». Штат музея состоял из заведующего М. М. Решеткина, препаратора С. И. Весниовской и служителя Соколовой. Основными функциями музея в акте назывались обслуживание индивидуальных посетителей (платили 15 рублей), экскурсий (по 2 рубля с человека), учащихся Крыма (имели бесплатный доступ). Согласно статистике посещений, за период апреля–июня 1923 г. индивидуальных посещений было 1.349, а экскурсантов – 1.141 человек. При музее имелась библиотека, насчитывавшая до 5000 наименований книг и других печатных источников. В отношении инвентаризации материалов музея были высказаны замечания: так, музейные экспонаты были инвентаризованы только под номерами, без научного описания, вспомогательный инвентарь был неполным, имелись вещи, не внесенные в инвентарь. Общий вывод указывал на «положительную ценность», основанием для этого явилось наличие в экспозиции не только профильного, но и краеведческого значения [18].

Завершающим в данном обзоре является акт осмотра Восточного музея. Данное учреждение располагалось в трехэтажном особняке – бывшем Дворце Эмира Бухарского. Непосредственно под музеем отведено было семь комнат, также пять комнат на нижнем этаже здания эксплуатировались «в пользу музея». Специально обращалось внимание, что в последних обстановка состояла из мебели, принадлежавшей непосредственно Эмиру Бухарскому. Кроме течи крыши, несколько повредившей стены дворца, общее состояние помещения музея находилось в хорошей сохранности. Особо подчеркивалось также, что внутренняя отделка некоторых комнат дворца имела музейный характер. Содержанием экспозиции, согласно акту были вещи, «имеющие какое-либо отношение к творчеству Востока», переданные музею стараниями органов ОХРИСа. Также были отмечены поступления из Ливадийских дворцов большого количества ковров и мебели с инкрустациями. В штат сотрудников входили заведующий И. А. Роджеро, сотрудник Медер и сторож Левицкий. Как вывод было отмечено, что помещение дворца имеет «несомненно, художественную ценность», а сохранение в нем музейного учреждения представлялось желательным [19].

Аналогичная акция составления анкет по запросу Главнауки Наркомпроса РСФСР была проведена и музейными работниками в Севастополе в течение осени 1922 – зимы 1923 г. Руководитель музейных учреждений Севастополя, заведующий городским ОХРИСом Л. А. Моисеев, составил необходимые отчеты. Как особенность развития музеев города стоит отметить централизованный принцип их административного подчинения. Согласно анкетным данным самостоятельный характер носил только «Музей Херсонесских раскопок», его филиалом назывался «Музей Севастопольской обороны», а «Панорама Штурма Севастополя

6 июня 1855 г.» являлась вспомогательным учреждением при «Музее Севастопольской обороны». Такой характер соподчиненности определял принцип единого руководства. Оно осуществлялось во все трех учреждениях Л. А. Моисеевым.

Касательно «Музея Херсонесских раскопок» (представлялось и второе наименование – Херсонесский музей и раскопки Херсонеса Таврического) была предоставлена следующая информация: основан в 1888 г., имеет ряд зданий в особой ограде, представлен был бюджет, выделявшийся в довоенный период – 10.000 рублей золотом. Ответственным лицом музея определялся его заведующий, также в штатах значились: ученый хранитель, научный сотрудник, археологический десятник и смотритель зданий, 2 служителя при музее и лапидариуме, кучер-дворник, ночной сторож, три надсмотрщика. Л. А. Моисеев отмечал, что музей носит археологический профиль, его фонды содержали более десяти тысяч экспонатов. Все вспомогательные отделы – архив, библиотека – работали, музейный фонд содержал более 200.000 предметов, найденных на территории раскопок с 1888 г. Исследовательской работой музея Л. А. Моисеев назвал производство археологических изысканий на Херсонесском городище и его окрестностях, раскопок в Евпатории, Мангуп-Кале. За период с середины апреля по середину августа 1922 г. было зарегистрировано 375 посещений, помимо экскурсий и групповых поездок [20].

В отношении «Музея Севастопольской обороны» была зафиксирована следующая информация: учреждение располагалось в отдельном здании, указывался филиальный статус музея. Временем основания назывался 1871 г., переезд в отдельное помещение был осуществлен в 1895 г. Согласно данным сметы, отраженным в анкете, на содержание музея в 1923 г. было выделено (источник финансирования не указывался) 1 миллион 717 тысяч 124 рубля. Ответственным лицом учреждения являлся Л. А. Моисеев, в штате же музея помимо общего руководителя числились хранитель, смотритель зданий и трое служителей. Профиль музея определялся как исторический и бытовой, в нем находилось 2147 экспонатов, сосредоточенных в трех отделах – общем, орудийном и историческом. За 4 месяца 1922 г. (апрель–август) музей посетило 1870 человек [21]. Относительно «Панорамы Штурма Севастополя 6 июня 1855 г.», бывшей подразделением «Музея Севастопольской обороны» отмечалось основание данного учреждения 14 мая 1905 г., констатировалось наличие собственного специального помещения на Историческом бульваре. Бюджет панорамы регулировался общим бюджетом музея и был заложен в него отдельным пунктом. В штате состояло пять человек: хранитель, старший служитель, два служителя, кассир. Специализация учреждения определялась как «художественная военно-бытовая картина», в нем выделялись два отдела – отдел эскизов (42) и фигур героев (29). Отмечалось, что в течение 1922 г. производилась реставрация переднего плана картины и ремонтные работы по застеклению и обновлению дверей и входов. Посещаемость в апреле–августе 1922 г. составила 10.010 человек [22].

Период становления музейной сети в Крымской АССР, различные этапы, условия этого процесса, анализ различных мероприятий и форм работы контролирующих органов позволяют сформулировать следующие выводы:

– Эффективным органом управления всеми музейными учреждениями РСФСР был Музейный отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР, который обладал всей полнотой полномочий относительно распорядительной, плановой, учетной и отчетной деятельности крымских музеев. Положение крымских музеев, их материальные нужды в годы после окончания Гражданской войны были предметом постоянного интереса руководства Музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР, который в своих решениях определял особый качественный статус памятников и музейных экспонатов региона;

– Единым органом, уполномоченным руководить восстановлением музейной сети в Крымской АССР с 1921 г. стал КрымОХРИС, на который были возложены задачи оперативного реагирования в организационных, методических, материальных аспектах деятельности музеев. Полномочия КрымОХРИС распространялись на представление интересов крымских музеев перед органами власти Крымской АССР, Музейным отделом Главнауки Наркомпроса РСФСР;

– Формы организации работы музеев в различных городах Крымской АССР не имели унифицированного выражения: так, музейные учреждения Ялты только формально находились под общим руководством местного представительства ОХРИСа и имели значительную автономию в организации своей деятельности, в то время как в Севастополе принцип единого руководства музейной сетью был осуществлен в полной административной мере;

– Руководящая, организационная, методологическая работа Музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР, взаимодействие с КрымОХРИСом, как с полномочным представителем интересов центральных профильных органов в 1921–1923 гг., создала благоприятные условия для развития плодотворной научно-исследовательской и экспозиционной деятельности крымских музеев в 20-е – 30-е гг. XX в.

Источники и литература:

1. Непомнящий А. А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века) : биобиблиографическое исследование / А. А. Непомнящий; Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2000. – 360 с.
2. Мусаева У. К. Подвижники крымской этнографии, 1921–1941 : историографические очерки / У. К. Мусаева; ред. и вступ. ст. А. А. Непомнящий; Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского. – Симферополь : Таврия, 2004. – 214 с. – (Биобиблиография крымоведения; вып. 2).
3. Ионова О. В. Из истории строительства краеведческих музеев РСФСР / О. В. Ионова // Труды НИИ музееведения. – М. : Советская Россия, 1961. – Вып. 2. – С. 80-175.

4. Козлов В. Ф. Охрана исторических памятников в Крыму (1920-1941 гг.) / В. Ф. Козлов // Художественное наследие : хранение, исследование, реставрация. – М., 1994. – Вып. 15. – С. 126-156.
5. Жуков Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. 1917-1920 гг. / Ю. Н. Жуков; отв. ред. Н. М. Катунцева; АН СССР, Ин-т истории СССР. – М. : Наука, 1989. – 301 с.
6. Хливнюк А. В. Крымский отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и народного быта (КрымОХРИС) и памятникоохранительная работа / А. В. Хливнюк // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР : исследования и документы / авт.-сост. А. В. Хливнюк; ред. и вступ. ст. А. А. Непомнящий; Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК. – Симферополь : СГТ, 2008. – С. 41-58. – (Биобиблиография крымоведения; вып 11).
7. ГАРФ. – Ф. А-2307. – Оп. 8. – Д. 135. – Л. 79.
8. Там же.
9. Там же. – Л. 80.
10. Там же.
11. Там же. – Оп. 3, Д. 130, Л. 256.
12. Там же. – Л. 257.
13. Там же. – Оп. 8. – Д. 180. – Л. 115–115 об.
14. Там же. – Оп. 3. – Д. 130. – Л. 248–248 об.
15. Там же. – Оп. 8. – Д. 180. – Л. 19–19 об.
16. Там же. – Оп. 3. – Д. 130. – Л. 255.
17. Там же. – Оп. 8. – Д. 180. – Л. 45–46.
18. Там же. – Оп. 8. – Д. 180. – Л. 42.
19. Там же. – Оп. 8. – Д. 180. – Л. 43.
20. Там же. – Оп. 3. – Д. 130. – Л. 253.
21. Там же. – Оп. 3. – Д. 130. – Л. 249.
22. Там же. – Оп. 3. – Д. 130. – Л. 250.

Ганкевич В.Ю., Морозов В.М.

УДК: 947.7 (Р 477.22) (= 943.22)

ПОЛІТИКА ЦІНОУТВОРЕННЯ МІСЬКОГО ГОЛОВИ БАХЧИСАРАЮ ІСМАЇЛА ГАСПРИНСЬКОГО

Актуальність: реформування міського господарства було і є нагальною проблемою для розвитку міст в Україні. Складність питань викликає помітний громадський резонанс, який впливає на внутрішню стабільність у державі. Тому дослідження та використання позитивного досвіду минулого може прислужитися не тільки для істориків і краєзнавців, але й для сучасних керівників комунальних господарств.

Мета: розгляд позиції І Гаспринського щодо розвитку міської торгівлі та вплив органів врядування на ціноутворення.

Завдання: в дослідженні необхідно показати методи контролю за учасниками торгових операцій, втілення оригінальних пропозицій І. Гаспринського щодо покращення торгівлі та послуг в Бахчисараї.

Предмет: політика ціноутворення міського голови Бахчисараю Ісмаїла Гаспринського.

Виявлений комплекс документів дозволяє з великою ступінню вірогідності реконструювати принаймні щомісячні коливання цін на продукти харчування, товари першої необхідності та на сферу послуг. Головним джерелом стали документи Державного архіву при Раді міністрів Автономної республіки Крим (ф. 64: «Бахчисарайська міська Управа»). У цьому фонді зберігаються цікаві й важливі види поточної документації, які називаються «Відомість про довідкові ціни на провіант, фураж, опалення, освітлення та інші речі, які існують у №№ місяці 18№№ року по місту Бахчисараю», «Про складення такс на життєві припаси у 18№№ році», «Про складення такс на життєві припаси по місту Бахчисараю за 18№№ рік» тощо. (Наприклад, див.: за 1878 рік [3, спр. 10, 16], 1879 рік [3, спр. 68, 73], 1880 рік [3, спр. 115, 130], 1881 рік [3, спр. 162, 165], 1882 рік [3, спр. 194, 199], 1883 рік [3, спр. 247, 255] та 1884 рік [3, спр. 292, 313]). В них відбивалися основні інформативні відомості щодо цінової ситуації в місті, та про вплив міських органів влади на їх виправлення.

Попередні дослідження з різних причин оминали цей важливий і, певною мірою, складний сюжет. Хоча чільні засади розвитку міського господарства Бахчисараю періоду каденції І. Гаспринського в них висвітлювалися в наукових публікаціях В. Гладуна, В. Камілової, О. Каркач [1] тощо.

Відомо, що питанням місцевого значення, між іншим, є «створення умов для забезпечення населення послугами торгівлі» [2]. Розуміючи це, І. Гаспринський вважав важливою турботою керівництва міста було безперебійне постачання продовольства до Бахчисараю. Стали частими випадками, коли «гуртовики» скуповували продукти та інші речі першої необхідності, до яких Управа віднесла усі види хлібобулочних виробів, фрукти, зелень, сіль, вугілля, дрова та встановлювали на них монопольні підвищені ціни. «У огороженні інтересів публіки» 15 вересня 1879 року вступило у силу визначення міської Управи за підписом І. Гаспринського, М. Дремджи та Д. Сальникова про те, що по-перше, в базарні дні – п'ятницю та неділю з раннього ранку і до 11 години допускалася «тільки роздрібна торгівля сільськими виробами, що привозилися, продаж яких може проводитися як з возів, так і з зазначених місць на базарі» [3, спр. 72, арк. 10]. По-друге, в ті ж таки дні з раннього ранку й до одинадцятої години на базарній вулиці мав